

Яков Фрейдин

Степени Приближения

Непридуманные Истории

Яков Фрейдин
Степени приближения.
Непридуманные
истории (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24339670
Степени приближения. Непридуманные истории :

Аннотация

Якову Фрейдину повезло – у него было две жизни. Первую он прожил в СССР, откуда уехал в 1977 году, а свою вторую жизнь он живёт в США, на берегу Тихого Океана в тёплом и красивом городе Сан Диего, что у мексиканской границы. В первой жизни автор занимался многими вещами: выучился на радио-инженера и получил степень кандидата наук, разрабатывал медицинские приборы, снимал кино как режиссёр и кинооператор, играл в театре, баловался в КВН, строил цвето-музыкальные установки и давал на них концерты, снимал кино-репортажи для ТВ. Во второй жизни он работал исследователем в университете, основал несколько компаний, изобрёл много полезных вещей и получил на них 60 патентов, написал две книги по-английски и множество рассказов по-русски. По его учебнику студенты во многих университетах изучают датчики. В Калифорнийском

Университете он читает лекции по теории датчиков и истории искусства периода Ренессанса. Пишет картины и путешествует по Миру. В эту книгу вошли 30 рассказов, которые он написал в 2015 и 2016 годах. Свои истории из первой жизни он назвал «Там», а истории из второй жизни вошли в раздел «Здесь». Все эти рассказы основаны на реальных событиях и примечательных людях, а потому в этой книге мало вымысла.

Содержание

От Автора	6
Там	14
Шпионские Страсти	14
Фидель в Прицеле	35
Косить под Иностранца	49
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Яков Фрейдин
Степени приближения.
Непридуманнные истории

Яков Фрейдин

От Автора

Может возникнуть вопрос – что за странное название «Степени приближения»? Поясню, откуда оно взялось.

Есть такая занятная концепция под названием «Шесть степеней отдаления». Суть её в том, что любой человек отдалён от кого угодно на этой планете всего через несколько промежуточных знакомств, то есть степеней отдаления. Было подсчитано, что максимальное число таких степеней не превышает шести. Таким образом, каждый человек может выстроить цепочку: от себя к некоему своему знакомому, а тот – к своему другому знакомому, и так далее до любого человека. Самое большее через шесть таких знакомств каждый может соединиться с кем угодно в любой точке планеты. Чтобы было яснее, представьте, что доярка Фрося из деревни Зипуны напишет письмо неизвестному ей папуасу из Новой Гвинеи и пошлёт его не по почте, а передаст из рук в руки через знакомых друг с другом людей, от одного к другому. Так вот, чтобы письмо дошло до папуаса, нужно не более шести таких знакомств. Разумеется, для некоторых профессий, например, журналистов, которые встречаются со многими людьми, число степеней отдаления будет меньше. То есть, если папуасу письмо напишет не Фрося, а скажем, редактор какого-то популярного журнала, то может понадобиться три звена, ну от силы – четыре.

Меня эта концепция заинтересовала – это что же значит, всего через парочку друг с дружкой знакомых я окажусь связанным с любой знаменитостью? Хочу, например, с диктатором, скажем со Сталиным, Франко или Пол-Потом, а захочу – и с более приятной личностью, к примеру, с Мэрилин Монро? Ой, как интересно! Разумеется когда степеней отдаления пять или шесть, проследить их вряд ли получится. Иди знай, какие там есть знакомые у знакомых ваших знакомых? Но вот когда степеней мало, есть шанс их выяснить.

Я подумал, а что если для забавы покопаться в памяти и найти такие знакомства, которые соединили бы меня с сильными мира сего или ещё с какими-то там примечательными личностями? Искать долго не пришлось и я быстро выстроил несколько коротких цепочек. Вот некоторые из тех, что у меня получились.

Первая цепочка. В тридцатые годы мой тесть Лев Тышков, тогда подросток, жил в Токио, где учился игре на скрипке и давал концерты с симфоническим оркестром. Там он был вхож в верха японской элиты и бывал в гостях у Хидемаро Каное, младшего брата премьер-министра и дирижера Токийского оркестра. Каное устраивал домашние приёмы-концерты, куда приглашал всю токийскую знать. Однажды на таком приёме Лев имел удовольствие познакомиться с принцем Чичибу, братом императора Хирохито. Знакомство это было формальное, но они всё же поговорили, хотя я не представляю, какая тема для разговора могла быть у музыкаль-

ного мальчика и принца с характером самурая. Тем не менее, знакомство было. Значит мой будущий тесть до императора имел всего две степени отдаления, а я стало быть – три, то есть: я – Лев – принц – Хирохито. Поди знай, как близко можно оказаться к императору, никогда его не встречая!

Вторая цепочка. Как-то раз я с женой поехал в небольшое путешествие из штата Коннектикут, где в те годы мы жили. Захотели навестить друзей на острове Лонг Айленд – прямо через пролив от нашего городка Нью Хэйвен. Доехали на машине до парома в Бриджпорте, переправились через пролив и покатали в гости. После того, как навестили друзей, решили поехать дальше, до самого восточного конца острова. Через некоторое время остановились на заправку в городке Сауфхолд. Залили полный бак и захотели разузнать, что там есть интересного посмотреть в окрестностях. Недалеко от заправочной станции увидели витрину с гитарой за стеклом. Решили зайти и спросить совета. В магазинчике продавались гитары разных размеров и стилей, банджо, барабаны, ноты, струны и вообще всё, что положено для такой музыки. На стене в золочёной рамке висела большая фотография Эйнштейна. Он сидел у берега залива на огромном валуне в белой рубашке и шортах рядом с благообразным господином в костюме и галстукe, что как-то не вязалось с курортным видом великого физика.

За прилавком стоял сам хозяин, седоголовый господин по имени Рон, с которым мы познакомились, разговорились и

он нам дал много полезных советов по поездке. Перед тем, как уйти, я показал на фотографию и спросил его, по какому поводу в гитарном магазине висит фотография Эйнштейна, хотя он, как известно, играл на скрипке, а не на гитаре? Рон усмехнулся и сказал, что вот этот господин в костюме и галстукe есть его родной дедушка Дэвид. В конце тридцатых годов дедушка дружил с Эйнштейном, который несколько лет подряд проводил здесь свои летние каникулы. Дедушка держал в городке хозяйственный магазин и был музыкантом-любителем. У него даже был свой струнный ансамбль, куда он позвал Эйнштейна играть на скрипке и они много вместе музицировали. Разумеется, дедушки Дэвида давно не было в живых, но Рон оказался весьма разговорчивым и охотно нам рассказал про то, как Эйнштейн проводил лето в их городке и катал дедушку и его самого, тогда подростка, на своей яхте.

Для моего рассказа это значит, что можно выстроить такую занятную цепочку: я – Рон – Эйнштейн. Таким образом, через это случайное дорожное знакомство от меня до великого физика оказались всего две степени отдаления.

Третья цепочка. Когда мне исполнилось шесть лет, моя мама решила, что ребёнку пора учить музыке и отвела меня в районную музыкальную школу. Мне там очень понравилось, особенно уроки сольфеджио, где надо было петь ноты. Петь я любил громко. Где-то через месяц директор школы вызвал мою мать и сказал, что так больше продолжаться не

может, ибо ребёнок, то есть я, ввиду полного отсутствия музыкального слуха и наличия громкого голоса на уроках сольфеджио так пронзительно и яростно фальшивит, что сбивает с настроя и ритма все три этажа музыкальной школы. Поэтому музыке его учить не надо, а не то он плохо кончит. Из музыкальной школы меня забрали и больше музыке не учили, а потому я жил спокойно следующие лет девять-десять. Но потом, в один прекрасный день, у меня вдруг появилось совершенно непреодолимое желание научиться играть на рояле. Я, пятнадцатилетний балбес, просто сходил с ума от нетерпенья и колотил по клавишам, тщетно пытаюсь подобрать какую-то мелодию. Мои родители вздохнули и стали искать мне учительницу музыки. Находили таких без труда, но после первого же урока они все сбегали, несмотря на хорошую оплату. Как-то раз моя мать сказала, что придёт к нам одна старенькая учительница, своего рояля у неё нету и потому она будет приходить ко мне на дом.

Когда я вернулся из школы, а родители были на работе, в дверь позвонили. Я открыл и увидел у порога маленькую, очень опрятную старушку лет восьмидесяти в чёрном старомодном платье. Она вошла и представилась:

– Здравствуйте, меня зовут Софья Андреевна, как жену Льва Николаевича, поэтому запомнить легко. Мы дружили семьями. Моя фамилия Долгорукова.

Я провёл её в комнату, где стояло пианино, и спросил, не родственница ли она князьям Долгоруковым? Она ответила:

– Да, я бывшая княжна Долгорукова. В 1903 году я закончила Смольный институт, а там нас обучали пению и игре на фортепианах. Если пожелаете, могу и вас этому учить.

Я слегка оторопел от того, что меня будет учить княжна. Никогда – ни до, ни после я с князьями не знался. Она была единственная, кто от меня не сбежала, и с бесконечным терпением стала со мной заниматься. Софья Андреевна учила меня играть лишь то, что помнила со времён учёбы в Смольном – увертюры и аккомпанементы к ариям из опер. Сначала показывала сама и, аккомпанируя себе, тонюсеньким голоском пела, запрокинув головку, как птичка. Я особенно запомнил в её грациозном исполнении арию Мсье Трике из «Евгения Онегина»: *«Какой прьекрасни этот дьень, когда в сей деревьенский сень...»* После урока Софья Андреевна шла на кухню пить чай и беседовать с моей бабушкой. Рассказывала ей про свою тяжкую жизнь после революции, нищенское существование в крохотной комнатёнке, да ещё с гордостью говорила про своего младшего брата Колю, известного художника – плакатиста. Любила она вспоминать про наезды с сёстрами в Ясную Поляну в гости к Толстым. Лев Николаевич был радушным хозяином, рассказывал им удивительные истории и русские народные сказки, которых знал множество, и вдобавок немножко с девушками флиртовал. Говоря это, Софья Андреевна хихикала, потупляла глазки и прикрывала ротик платочком. На вопрос моей бабушки, есть ли у неё дети, княжна краснела и шептала: *«Я девица...»*.

Когда я про это вспомнил, то подумал – а ведь через Софью Андреевну я оказался всего в двух степенях отдаления от самого Льва Толстого! То есть цепочка очень короткая: *я – Софья Андреевна – Граф Толстой*. Как и во многих моих виртуальных связях, отдаление было не только в пространстве, но и во времени.

Ну ладно, подумал я, все эти занятные цепочки показывают степени **отдаления**, то есть с людьми, к которым я никакого отношения не имел и даже в глаза их не видел. Потому считаю, что поиски степеней отдаления есть не более, чем пустая забава. Таких цепочек любой читатель может настроить множество и писать дальше про это не стоит.

А что если сделать наоборот – вместо степеней отдаления поискать степени **приближения**? Иными словами, вспомнить такие встречи и ситуации, которые по воле случая позволили лично мне познакомиться с интересными людьми и приблизиться к каким-то примечательным или просто забавным ситуациям, а иногда и самому в них поучаствовать.

Так я и сделал. Покопался в своей памяти – кое-что вспомнил, кое-какие детали пришлось поискать по книжкам и в интернете, и в результате получился цикл из 32 рассказов, которые вошли в этот сборник. Я его так и назвал: *Степени Приближения*.

Сборник разделён на четыре части. Первую я назвал **Там** (то есть в СССР, где прошла моя первая жизнь), вторую – **Здесь** (то есть в США, где течёт моя вторая жизнь), третью

часть я назвал **Люди** (это понятно – при интересных людей), и четвёртую – **Наука, Искусство или Около** (да, именно: «про около» науки и искусства). За исключение некоторых «красивостей», в этих историях ничего не выдумано, написано, как я запомнил и понял. Ну, а если где-то ошибся и что-то перепутал – прошу простить, это я не умышленно...

Мне было интересно писать эти рассказы и надеюсь, что вам не будет скучно их читать.

Там

Шпионские Страсти

Недавно я посмотрел кино «Мост Шпионов» (Bridge of Spies), снятое Стивеном Спилбергом об обмене в 1962 году советского шпиона Рудольфа Абеля на американского пилота Гэри Пауэрса. Хорошее кино, добротное сделанное и аккуратное даже в мелочах, хотя, как и положено в Голливуде, не без развесистой клюквы. В отличии от всех сидевших в зале, был у меня к этой теме личный интерес, ибо по вывиху судьбы мне довелось видеть Пауэрса в самые первые часы после его драматического приземления в СССР в 1960 году.

* * *

Когда я был подростком, у меня была одна всецело захватившая меня страсть – хотел делать кино. Всё равно, как – хоть оператором, хоть режиссёром, актёром, монтажёром – в любом качестве, лишь бы делать кино! Когда мне было 12 лет я сконструировал и построил 16-мм кинокамеру, ибо в те годы камеры в СССР не продавались, хотя катушки с плёнкой можно было купить. Камера была конвертируемая, то

есть я мог её быстро превратить в кинопроектор. Сам снимал, сам проявлял, сам монтировал и сам крутил свои фильмы. Я проглатывал все доступные книги по производству кинофильмов – от писания сценариев до постройки декораций до грима до монтажа и химии проявки киноплёнки. Позже я стал членом нескольких любительских киностудий и довольно профессионально мог работать с любыми доступными кинокамерами и вообще делать множество вещей связанных с кино.

Я учился в 9 классе в уральском городе Свердловске (теперь Екатеринбург) и из дома пешком ходил в школу мимо помпезного Дома Офицеров и Штаба Уральского Военного Округа. Однажды холодным зимним вечером я возвращался домой и на доске объявлений у Дома Офицеров увидел плакат: «Открыта любительская киностудия Дома Офицеров – приглашаются все желающие». Этого я пропустить не мог. Хотя Дом Офицеров был офицерским клубом, его могли посещать все – военные и штатские. Там проходили интересные концерты, вечера танцев, была прекрасная библиотека старых книг и иностранных журналов из соцстран. Клуб располагался в красивом здании старой постройки, с высоким шпилем. В холле были мраморные полы, широкие лестницы, устланные коврами дорожками, хрустальные люстры сверкали радужными зайчиками, а стены украшали картины, славящие истинных и вымышленных героев Красной Армии. Я зашёл в вестибюль и спросил у дежурившего у вхо-

да солдата, где тут любительская киностудия? Он сказал, что это на самом верху в конце коридора, куда я и побежал. На двери висела табличка «Киностудия», я открыл дверь и вошёл.

В просторной комнате по стенам стояли шкафы, полки с кино-и фото-оборудованием, монтажные столы, мувиола, могучие кино-штативы с шаровыми головками, на дальней стене висел большой белый экран. В центре возвышалась колонна, как в греческом храме. На колонне была надпись «Не Курить», а под ней плакат, изображавший толстого розового поросёнка в офицерской фуражке с сигаретой в зубах. Поросянок говорил «А я всё равно курю!». Под плакатом стояло кресло, на котором, как на троне, восседал коренастый мужичок с бритой головой, лет 50-и, в шитой украинской рубахе и с папиросой в зубах. Мужичок был разительно похож на карикатурного поросёнка, а дымящийся Беломор намекал на его независимый характер. Он спросил:

– Тебе что тут надо?

– Пришёл по объявлению. Хочу записаться в вашу студию.

– Вона как! – хмыкнул поросёнок, – а сколько тебе лет, интересно знать?

– Будет 15. Там ведь написано – все желающие. Вот я и есть эти все.

– Ну ладно, – сказал он, – меня зовут подполковник Григорий Павлович Бойко, я командир этой студии. А ты вообще, что-то умеешь? Фотографировать, например?

– Я всё в кино умею. Могу показать, если хотите...

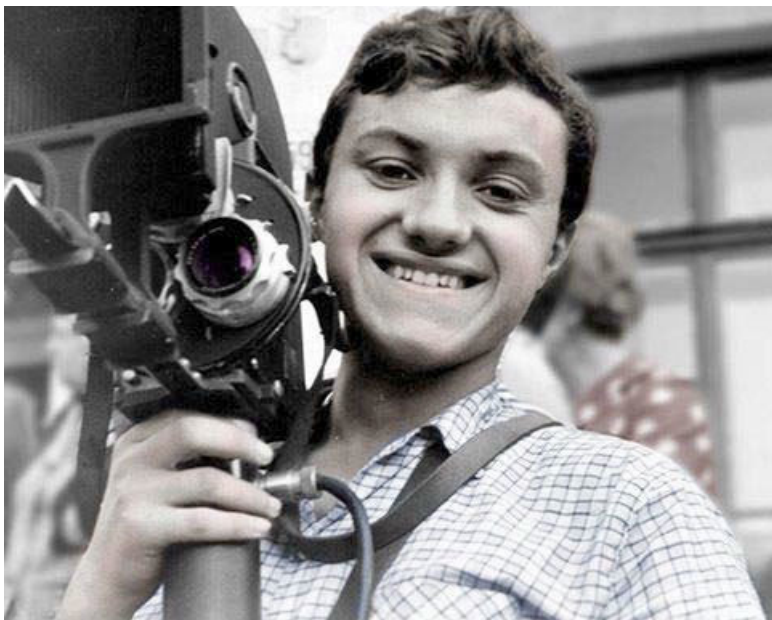
– Ишь ты! Всё он умеет! Это мы сейчас проверим, – насмешливо сказал он, – вон в углу на треноге стоит кинопроектор. Возьми на столе бобину. Заряди-ка плёнку в проектор. С закрытыми глазами.

Это было легкое задание, я взял бобину с 35-мм фильмом, закрыл глаза и для убедительности голову в сторону повернул. Всё было готово за 15 секунд. Подполковник удивлённо хмыкнул и сказал уже мягче:

– Не дурно, ну а кассету для Конваса в мешке можешь зарядить?

Конвас это была ручная 35-мм камера, разработанная инженером Василием Константиновым – отсюда и название. Кряхтя, Бойко поднялся с трона, достал из шкафа кассету, ролик засвеченной плёнки и чёрный мешок. Я ловко зарядил кассету, вынул её из мешка и протянул. Он был впечатлён:

– Да ты, пацан, действительно кое-что можешь. Так и быть, я тебя возьму пока, а там посмотрим. Ладно, приходи сюда после школы, я тут тебя кое к каким делам приспособлю.

Автор в 1960 году

С тех пор мой день стал весьма уплотненным: после школы я бежал домой, обедал, делал уроки и мчался в Дом Офицеров. Совсем скоро я стал для Бойко незаменимым помощником: заряжал кассеты, монтировал ежемесячные ролики киноновостей военного округа, часто снимал всякие сюжеты. Если надо было снимать в воинских частях, туда меня не пускали. Бойко либо ехал снимать сам, либо посылал одного из офицеров штаба в чине капитана, который иногда

посещал студию. Проявку и монтаж негатива, печать и озвучивание мы заказывали в гражданской киностудии. Я был страшно рад работать с профессиональным кино-оборудованием. Много было трофейного со времён войны, но немецкого мало. Большинство было либо американского, либо французского производства – всё в отличном состоянии. Подполковник Бойко радовался – был он ленив и часто навеселе, так что мой пыл пришёлся ему очень кстати.

* * *

В последний день апреля 1960 года он сказал:

– Завтра утром поедем снимать первомайский парад. Приготовь камеру, кассеты, короче – всё, что надо. Будь в студии к 6 утра. Машину за нами пришлют, пропуска для нас будут у шофёра. Гляди, не проспи.

Ровно к шести утра я был в студии (открыл дверь своим ключом). Вскоре пришёл шофёр и помог мне загрузить в габаритный кофр с кассетами, штатив и Конвас с батареями. Но Бойко не появился. Прождав его до семи, я решился позвонить к нему домой. Телефон долго не отвечал, но потом сварливый женский голос спросил: «Алё, кого надо?»

Это была его жена. Я назвал себя и сказал, что нам срочно надо ехать на площадь снимать парад. Она велела подождать и минут через пять я услышал заплетающийся голос Григория Павловича. Было ясно, что 1 Мая он начал празд-

новать загодя и был уже в совершенно глянцевоm состоянии. Он прошепелявил:

– Я вот, что... болею. Понял? Болею я... Ты давай сам... того. Ехай... сымай... Сам.

Я повесил трубку, сказал шофёру, что подполковник болен и мы помчались на центральную Площадь имени 1905 года. Улицы при подъезде были оцеплены, нас часто останавливали и проверяли пропуска. Наконец мы добрались, выгрузили оборудование у трибуны и газик уехал. В 10 утра на трибуну забрались местные партийные вожди и военное начальство округа. Начался парад. По брусчатке катили пушки, танки и огромные пузатые ракеты. Равнозначно пузатые вожди на трибуне делали ракетам ручкой и всё шло, как по маслу. Кроме меня на площади работали несколько фотографов из местных газет и один кинооператор с телевидения. В те годы ТВ прямых трансляций ещё не вело.

Я быстро снял всё, что мне было надо для ролика новостей и скучал, притопывая на холодном ветру. Весна на Урал только-только вкатывалась и было весьма зябко. Солнце с трудом протискивалось через прорехи в облаках и совсем не грело. Шофёр должен был меня забрать только после гражданской демонстрации, так что мне предстояло топтаться у трибуны ещё долго. Часов около 11 я заметил, что несколько генералов и партийных начальников с трибуны исчезли. «Примёрзли наверное и пошли водку с икрой кушать», подумал я. А ещё я заметил, что по площади бегают капитан

с погонами военной авиации. Сначала он подошёл к телевизионному оператору, потом направился ко мне.

– Ты, парень, не из студии Дома Офицеров?

– Да... А что?

– Где подполковник Бойко?

– Болен он. Дома. Я тут вместо него снимаю, – ответил я.

Капитал смачно выругался и куда-то убежал, но быстро вернулся назад и спросил:

– Поедешь со мной. Срочное дело. Можешь снимать в помещении?

– Могу, только хорошо бы светильники и плёнку почувствительнее, единиц 400. А где надо снимать?

– Там увидишь. Я доложу чтобы плёнку и светильники тебе доставили. Поехали.

Он помог мне собрать оборудование и мы погрузили всё в подъехавшую прямо к трибуне легковую машину с матовыми стёклами. Ехали недолго и быстро, видимо у этой машины были какие-то специальные знаки, так как нас ни разу не остановили. Машина подъехала прямо к главному входу Штаба Военного Округа. Капитан помахал кому-то, к нам подбежали несколько солдат из охраны и быстро потащили мои киношные штуки на второй этаж. Внесли всё в просторный зал с огромным столом из красного дерева, кремовыми с оборками шторами на окнах и двумя портретами на стене – Никита Хрущёв и Маршал Малиновский, министр обороны. Другие солдаты внесли большой студийный магнитофон и

два микрофона, которые установили на краю стола. Капитан сказал:

– Располагайся с камерой вот тут, у окна, и снимай, всё что будет здесь происходить. Что ты просил, сейчас доставят.

Я установил Конвас на треноге, подключил батарею и стал ждать. Вскоре дверь открылась, два солдата внесли в комнату софиты и кофр, а за ними появился Бойко с зелёным опухшим лицом и в военной форме. Он нетвёрдой походкой подошёл ко мне и прохрипел:

– Я тебе принес много плёнки, должно хватить на час. Софиты вон тоже. Так что давай, заряжай, снимай, что надо. Я, сам видишь, не в форме, – пошутил он, поправляя на себе китель.

Я установил софиты около края стола, где стояли микрофоны, подключил провода к розеткам, достал банки с плёнкой из кофра и стал заряжать кассеты в черном мешке. Когда всё было готово, я показал солдатам как включать софиты по моей команде. Стали ждать.

Ждали не очень долго. Дверь настежь распахнулась и в комнату вошли несколько офицеров, два или три генерала и человек пять в штатском. Вслед за ними двое охранников ввели невысокого смуглого человека в странной форме: он был одет в коричнево-серый комбинезон, а в руках нёс белый шлем, как у космонавта из популярных журнальных иллюстраций. Всего два года назад запустили первый спутник

Земли и ребята моего возраста бредили космосом, так что неудивительно, что я принял этого человека за космонавта. Я махнул солдатам, те включили свет и я нажал на кнопку камеры. Генерал сказал:

– Пусть шлем наденет, надо чтобы видно было кто таков.

Гари Пауэрс после ареста

«Космонавт» не понял, но когда один из штатских ему

что-то шепнул, он надел на себя шлем с болтающимся шлангом и все расступились, чтобы я мог лучше снять эту процедуру. Потом генерал кивнул, все направились к столу. С «космонавта» сняли шлем и велели садиться перед микрофоном. Генерал уселся напротив и сказал:

– Имя, фамилия, звание, войсковая часть, цель прилёта на нашу территорию?

«Космонавт» опять не понял и снова человек в штатском ему что-то сказал. Я сообразил, что это переводчик и говорил он по-английски. «Американский космонавт», подумал я, продолжая снимать.

«Космонавт» что-то ответил и переводчик назвал его имя, которое я тогда не расслышал, и ещё перевёл:

– У меня была авария с приборами для навигации. Я случайно залетел на вашу территорию.

– Не врете! – театрально крикнул генерал, хлопнув ладонью по столу и поглядывая в объектив моей камеры, – мы три часа вели вас от самой границы и сбили первой-же ракетой!

– Господи, – подумал я, – они сбили американского космонавта... Однако вскоре до меня дошло, что это не космонавт, а военный пилот, залетевший на советскую территорию. Допрос продолжался недолго, ещё минут 15-20. Я мало, что слышал, так как был занят съёмкой и руководил солдатами, чтобы поворачивали софиты в нужном направлении. Пилот вёл себя очень сдержанно, почти ничего кроме «да» и «нет» не говорил, чем немало раздражал генерала, который

явно с показным видом выходил из себя. Потом все встали из-за стола, конвойные увели американца, мы выключили свет и ко мне подошёл тот самый капитан:

– Всё сняли? Нормально! Давайте сюда всю плёнку. Мы сами проявим, так, что спасибо, от вас больше ничего не требуется. Собирайте свои штуки, я вас провожу к машине. И ещё вот что – роток на замок, не болтать до поры до времени.

Мы с Бойко отдали ему все кассеты, сложили оборудование и отправились по домам. Я полагал, что на этом дело и закончилось. Однако, когда сразу после праздников я пришёл в студию, Бойко указал на банки с проявленной плёнкой и сказал, что тут всё и даже больше, и велел срочно монтировать кино-новости для Военного Округа. Чем я и занялся. А на следующий день он взял меня с собой за город в деревню Поварня по Сибирскому Тракту чтобы заснять, как сотни солдат прочёсывали поля и кустарники в поисках малейших обломков самолёта. Всё сваливали в огромную кучу посреди поля. Несмотря на падение с большой высоты, многое сохранилось, в том числе огромные фотокамеры и кассеты с плёнкой. Мы это всё сняли и я смонтировал довольно интересный ролик для военных новостей. Благодарный Бойко подарил мне на память небольшой серо-чёрный обломок самолёта У-2, который потом много лет стоял на моём письменном столе в Свердловске. Я сохранил много срезок с отснятых негативов себе на память и потом показывал напечатанные с них снимки друзьям по школе. К сожалению,

когда 17 лет спустя я эмигрировал из СССР, было слишком рискованно везти эти кадры и обломок У-2 через границу и пришлось всё оставить.

* * *

Прошло 7 лет. Я заканчивал радио факультет политехнического института, где на военной кафедре мы изучали все малейшие детали станции наведения ракет СНР-75М, вариант которой стрелял по У-2. По очередному вывиху судьбы в июне 1967 года я был направлен на военные сборы в тот самый ракетный дивизион майора Воронова, ракета которого сбила Пауэрса. Сам Воронов, разумеется, там уже не служил, но в «Ленинской Комнате» был стенд, посвящённый первому и последнему боевому запуску ракет. На стенде была пара снимков, напечатанных с моих кинокадров и портрет погибшего пилота МИГ-19 Сафронова. В дивизионе всё ещё служили несколько офицеров, которые участвовали в стрельбе по Пауэрсу. Они рассказали нам некоторые подробности.

Американский самолёт-разведчик Локхид У-2 вылетел из Пешавара в Пакистане в направлении к Норвегии, чтобы заснять на плёнку секретные советские установки, в том числе полигон Капустин Яр. Пауэрс и его коллеги летали так над СССР с 1956 года, но на высоте около 23 км сбить их у советских не было никакой возможности, а потому ограничивались дипломатическими нотами. Боялись даже пытаться

ся – если не получится, будет Америке сигнал, что советская ПВО слаба. Потому и терпели. Была даже у военных шутка, что хорошо бы вместо ракеты земля-воздух иметь ракету земля-самолёт. Но к началу 1960 г. ракету С-75 модернизировали для больших высот, и когда Хрущёву, стоявшему на мавзолее во время Первомайского парада доложили, что У-2 опять летит, он приказал Маршалу Бирюзову: сбивать. Выпустили всего не то 5, не то 7, не то даже 14 ракет, но ни одна достать такую высоту всё же не смогла. Однако повезло – обычно ракета, не достигшая цели, самоуничтожается, и самая первая ракета взорвалась на недолёте, создав сильную ударную волну. Самолёты У-2 летали высоко и быстро, но были очень непрочными. Ударной волной самолёт так потряхнуло, что поломало хвост и всё полетело вниз на деревню Поварня. Конструкция была такой облегчённой, что там не было даже катапульты, поэтому Гэри Пауэрс, вручную выбрался из кабины и с трудом смог оторваться от разваливающегося самолёта. Спустился он на парашюте у деревни Коптяки, где его повязали колхозники и передали КГБэшникам, которые и доставили его напрямиком в Штаб Округа.

Генералы из уральского ПВО сильно нервничали – вдруг не собьют, а потому для подстраховки пустили самолёты-перехватчики МИГ-19, но ни один на высоту, где летел У-2, не забрался. Из-за традиционного российского бардака, во время не поменяли коды в системе распознавания «свой-чужой», а потому одна из ракет приняла свой МИГ за непри-

теля и сбила. Лётчик Сафронов спустился на парашюте, но погиб от ран у деревни Дегтярка.

Что касается Пауэрса, то он на допросах повёл себя довольно умно – не отпирался от очевидных вещей, но и секретов никаких не выдал, прикинувшись эдаким чурбаном, который умеет ловко кнопки нажимать, но в деталях не силен. Публично повинулся и попросил прощения, за что ему дали сравнительно мягкий срок – 10 лет, из которых 3 года в тюрьме, а затем 7 лет лагеря. Но через два года его обменяли на Абеля, о чём и был виденный мной фильм.

* * *

Прошло ещё десять лет и мне удалось по израильской визе навсегда покинуть СССР. В Вене я некоторое время работал консультантом в ЦРУ. Однажды, было это 1 августа 1977 года, беседуя с «начальником мюнхенской станции ЦРУ» (порусски – резидентом), я ему рассказал, как мне довелось снимать Пауэрса 17 лет назад. Он засмеялся и сказал, что в те самые дни он был по другую сторону «баррикад» – в середине мая 1960 г. он сопровождал президента Эйзенхауэра в Париж для встречи с Хрущёвым. Никита приехал и потребовал, чтобы президент публично извинился за полёт У-2. Эйзенхауэр отказался и разъяренный Никита, несмотря на увещевания Де Голя, раскричался и улетел домой.

Резидент рассказал мне, что после возвращения Пауэрса

в США, к нему относились очень плохо. ЦРУ не могло ему простить, что он не покончил с собой (у него была игла с цианистым калием). Потом его всё же устроили в Локхид, где он несколько лет работал лётчиком-испытателем, хотя зарплату ему секретно платило ЦРУ. Затем резидент спросил, не хотел бы я, когда окажусь в Америке, встретиться с Гэри?

— он был с ним лично знаком и готов организовать нашу встречу. Я сильно сомневался, что Пауэрс запомнил моё лицо, но скорее всего в то время я был на Западе единственным свидетелем самого драматического периода его жизни, и наверняка нам было о чём поговорить, поэтому я с радостью согласился. Однако, когда я снова встретился через два дня с «начальником станции», он сумрачно сказал:

— У меня для вас плохая новость. Позавчера Гэри погиб в Калифорнии при крушении вертолёта.¹

* * *

Впрочем, Хрущёву не стоило впадать в истерику и строить из себя оскорблённую невинность. У самого рыльце бы-

¹ Лет 25 после этого разговора у меня дома в Калифорнии зазвонил телефон. Звонивший назвал себя: “Гэри Пауэрс”, что привело меня в замешательство. Я ответил, что Гэри погиб в 1977 году, но мой собеседник пояснил: “Я Гэри-младший. Сын”. Оказывается он прочитал в моей книге “Adventures of an Inventor” историю, как я снимал допрос его отца. Он спросил, нет ли возможности разыскать эти кадры для «Музея Холодной Войны», который Гэри основал в Вашингтоне. К сожалению, через 40 лет это оказалось совершенно нереальным.

ло в пушку. В годы холодной войны обе стороны шпионили друг за другом весьма активно. Поэтому здесь уместно кратко рассказать о Рудольфе Абеле, которого обменяли на Пауэрса в феврале 1962 года. С историей его ареста в США много тёмного и правда, вероятно, станет известна не скоро. Его настоящее имя было Вильям Генрихович Фишер. Был он человеком незаурядных талантов – прекрасно знал радиотехнику, фотографию, писал маслом картины (написал в тюрьме портрет Кеннеди, который став президентом, повесил этот портрет в овальном офисе). Фишер в совершенстве владел русским, английским, немецким, польским и идишем, причём по-английски мог говорить с шотландским, оксфордским, ирландским и бруклинским акцентами. Во время войны руководил радио-играми против немецкой разведки, а в 1948 г. был нелегально направлен в США для «ремонта» шпионской сети атомного шпионажа. После сентября 1945 в результате побега советского шифровальщика в Оттаве Игоря Гузенко пошли провалы и аресты советских агентов. Атомный шпионаж фактически пришлось свернуть, поэтому-то Фишер и был направлен в Америку поправлять дело. Однако неясно – чем же он действительно занимался в Америке до своего ареста в 1957 году? На вопрос своего друга, уже после возвращения в Москву, он кратко сказал: «Я проверял Орлова». Что это могло значить?

Александр Орлов (Лейба Фельдбин) был резидентом НКВД в Испании во время гражданской войны 1936-39 го-

дов. Он лично знал многих советских агентов в Европе и Америке и дружил с Фишером и настоящим Рудольфом Абелем, тоже разведчиком НКВД. Когда в июле 1938 года он получил приказ возвращаться в Москву, хитрый Орлов прекрасно понял, что его там ждёт пуля. Потому с женой и дочкой он удрал из Испании в Америку. В США он так законспирировался, что дожил до старости и умер своей смертью в 1973 году – редкая удача для таких, как он. Советский Центр был в полной неизвестности – выдал ли он кого ни будь, или до конца остался верным коммунистом? Знать это стало особенно важно после провала атомного шпионажа – надо было активировать в США старых агентов, но засветил ли их Орлов? Как это проверить? Одна правдоподобная гипотеза такова.

Эмиль Гольдфус (Вильям Фишер) в момент ареста

Фишер, живший в то время в Бруклине под именем Эми-

ля Гольдфуса, фотографа по профессии, получил приказ по-пасться. Для этого ему прислали из Москвы радиста Рейно Хейханена. Зачем ему был нужен радист? Фишер сам был лучшим радистом всей советской разведки! Хейханен «неожиданно» с тал перебежчиком и выдал Фишера американцам.

Мой давнишний знакомый Маршалл Лейбовиц в 1957 году жил в бруклинской квартире напротив студии Гольдфуса за номером 505 в доме 252 на Фултон Стрит и был с ним по-соседски знаком. Из его квартиры ФБР установило за Гольдфусом круглосуточное наблюдение. Маршалл рассказывал мне, что Гольдфус стал вести себя весьма странно, по крайней мере для профессионального разведчика: через его окно в квартире была видна коротковолновая радиоаппаратура (зачем она фотографу и художнику?), а по улицам он вообще стал гулять в странной шляпе с белой лентой. Его за версту было видеть (чтобы слежка из вида не упустила?) – в этой шляпе его и арестовали. После ареста он назвался Рудольфом Абелем – в этом и был весь трюк: если бы Орлов вы дал советскую шпионскую сеть, американцы прекрасно бы знали, кто есть Абель и кто есть Фишер. Но не знали и никогда не узнали, стало быть Орлов никого не выдал и старых агентов можно было вернуть в строй. Абель просидел в тюрьме 4 года и после обмена на Пауэрса, вернулся в Москву, где его быстро отправили на пенсию и он доживал свои дни, выращивая цветы в подмосковном огороде.

Фидель в Прицеле

После того, как в 1962 г. в результате Кубинского кризиса Америка и СССР чуть не схлестнулись в ядерном безумии, Фидель Кастро затаил на Никиту Хрущёва сильную обиду. Дело в том, что когда обе стороны поняли, куда это может завести и надо срочно всё улаживать, стали быстренько договариваться и пошли на взаимные уступки. При решении о вывозе из Кубы советских ракет, никто не хотел в большую политику впутывать горлопана Фиделя и с ним на эту тему не посоветовались – нечего ему вступать, когда взрослые разговаривают. Вот из-за этого он и надулся. Но надо было мириться – без помощи СССР выжить Кубе не было никакой возможности, а Никите кубинские коммунисты под боком у США были нужны позарез. Так что желание мириться было взаимным. Тогда в Кремле решили пригласить Фиделя в гости, и не просто с официальным визитом, а на большое гулянье, на целых сорок дней.

Поскольку у Кастро врагов было куда больше, чем друзей, и многие точили на него не только зуб, но и кое-что поострее, его приезд организовали с невероятными мерами безопасности и такой секретности, что даже привезли его на самолёте сначала не в Москву, а в Мурманск и потом держали в полной тайне маршрут и даты его приезда во все места путешествий по Союзу. Когда он появился в Москве в конце

апреля 1963 г., такого помпезного приёма и развлечений ни один гость СССР не видел ни до, ни после. Возили не только по заводам и колхозам, но и водку учили пить, и в русской бане парили, и омуля ловили, и на лосей да кабанов охотились, и даже живого медвежонка подарили. Весенним днём 12 мая в Свердловске, где я жил, неожиданно объявили, что по дороге из Братской ГЭС в Сибири завтра Кастро приедет в наш город и посетит завод Уралмаш.

* * *

В 1962 году я заканчивал школу и хотел поступать только во ВГИК (институт кинематографии) на режиссёрский факультет. Ни что иное кроме кино меня тогда не интересовало. Я писал сценарии, в любительских киностудиях снимал и ставил фильмы и уже с 9-го класса работал нештатным кинокорреспондентом на телевидении. Там мне выдавали 16-мм кинокамеру, плёнку и, если надо, бригаду осветителей. Я носился по городу, снимал сюжеты для вечерних теленовостей, писал тексты к репортажам и помогал монтажницам, что клеили плёнку к передачам. Ну и, разумеется, готовился к вступительным экзаменам во ВГИК. Это тревожило мою мать. Она уговаривала меня идти учиться на инженера: «Если ты станешь средним инженером, ты всё же сможешь жить по-человечески. Но нельзя быть средним кинорежиссёром. В искусстве нет места посредственности. Ты уверен в сво-

ём таланте?» Я-то был уверен, но она – нет. Тогда мать решила поехать в Москву и посоветоваться с Михаилом Роммом – профессором ВГИКа и знаменитым режиссёром. Михаил Ильич её принял, внимательно выслушал и прямо сказал: «Если вам сын дорог, не пускайте его на эту дорожку. В нашей стране кино никому не приносит счастья. Это тупик и беда».

Когда она вернулась и передала мне эти слова, я возмутился – как он мог, совершенно не зная меня, вот так сразу отговаривать! Только много лет спустя я понял, что мудрый Ромм меня этим спасал – в те самые дни его блистательная, но нелёгкая карьера рушилась и по приказу Хрущёва его выгоняли из ВГИКа. Действительно, советское кино было болотом и с моим строптивым характером я бы в нём погиб – квакать в унисон я не умел и не хотел. Однако, я был упрям и никого не хотел слушать. Неожиданно тот же Хрущёв за меня решил эту проблему. Он ввёл закон, по которому перед поступлением в любой ВУЗ надо было отработать на производстве минимум два года. Это значило, что ВГИК у меня даже не примет документы и дорога туда для меня закрыта. По крайней мере на два года. Пришлось идти работать на завод и учиться на вечернем отделении политехнического института – это было можно.

Занят я был чрезвычайно. Работал электриком на заводе, вечером сидел на лекциях в институте, а в промежутках – снимал сюжеты для телевизионных новостей. Жизнь была

спрессована до предела. Весенним днём я услышал по радио, что завтра в город прибывает Фидель Кастро. Ну как же я мог пропустить такой сюжет!

Я помчался на телецентр, зашел в кабинет главного редактора новостей Л. Когана и сказал:

– Лёня, мне надо камеру и плёнку.

– Зачем? Что там у тебя интересного?

– Завтра Кастро приезжает. Хочу сделать про него сюжет.

– Ты хоть соображаешь, что говоришь? Даже если бы мы могли, то послали бы не тебя, а штатного корреспондента. Но нам запретили за версту подходить к кубинцам. Только люди из центрального ТВ будут снимать, а мы лишь из Москвы транслировать. Поэтому не трепыхайся, иди домой и смотри телевизор.

Это была проблема. Кастро приезжает, а я не могу снимать: нет ни камеры, ни плёнки, да и вообще – как к нему подобраться без пропуска? Я пришёл домой и стал думать. Тут мать мне и говорит:

– А ты позвони Вене, может он через своего отца что-то устроит.

С Венькой Кротовым я раньше учился в одном классе. Он был шалопай, но его отец служил большой шишкой – директором Уралмаша, того самого огромного завода, куда завтра должен приехать Кастро. Я позвонил Веньке, объяснил ситуацию и он мне сказал, что спросит у отца. Через полчаса он перезвонил и говорит:

– Отец сказал, что на завод тебя охрана не пропустит, но ты можешь снимать у него в кабинете. Кабинет ведь не на территории завода, а в заводууправлении. Кастро и все прочие придут туда после экскурсии по заводу и будут там отдыхать перед митингом на площади. Так что, если хочешь, приходи в его кабинет пораньше, часам к 6 утра. Он распорядится, чтобы тебя впустили.

Пол-дела было сделано. С утра я подошёл к своему начальнику и отпросился на один день с работы. Соврал, что меня студия посылает снимать Кастро. Оставалась, однако, задача: где взять камеру и плёнку? Я перебрал все варианты и единственным выходом из положения могла быть любительская киностудия института, где я учился на первом курсе вечернего отделения. В этой студии я был большим активистом и мог пользоваться всем оборудованием, которое, однако, было совсем бросовым. Свердловская киностудия туда сдавала списанные камеры, монтажные столы, проекторы и прочую вышедшую из употребления кинотехнику. Мы с грехом пополам чинили старые камеры и кое-как могли ими снимать. Впрочем, выхода у меня не было и надо пользоваться тем, что есть.

После работы я поехал в институтскую студию, что помещалась на чердаке физтеха политехнического института. В более-менее действующем состоянии там нашлись только две 35-мм камеры. Одна была Дебри-Парво 1922 года выпуска, с ручкой, которую надо было крутить. Эта древность

из немого кино мне совершенно не годилась, особенно для съёмок с руки без штатива.

Другая камера была Конвас-Автомат. Вообще-то Конвас это чудная камера – зеркалка с электрическим мотором и тремя объективами на турели. Однако наш Конвас был заржавлен, до предела изношен, мы его чинили неоднократно, но самое неприятное было то, что он при съёмке страшно трещал. За неимением других вариантов, пришлось взять его. Так как Венькин отец сказал, что я смогу снимать только в кабинете, я зарядил две кассеты плёнкой повышенной чувствительности и тут вспомнил, что для Конваса нужна батарея на 12 вольт, а её у нас нет. Что делать?

Я побежал в институтский гараж и стал уговаривать начальника одолжить мне на один день автомобильный аккумулятор. Начальник смотрел на меня подозрительно, но когда я сказал ему, что завтра я с этой батареей пойду снимать для кино самого Фиделя Кастро с «острова свободы», он подобрел и выдал мне аккумулятор от легковой машины «Победа». Весу в нём было килограмм 25, а то и больше, но времени искать какое-то другое решение у меня не было. С превеликим трудом на трамвае привёз я домой Конвас, кассеты с плёнкой и эту жуткую батарею. С помощью отца из брючных ремней я соорудил для аккумулятора некоторое подобие сбруи, чтобы навесить его на себя через плечо и так дать какую-то свободу рукам.

На следующий день, 14 мая в 5 утра я был на трамвайной

остановке по дороге на Уралмаш. Доехал, приволок это всё имущество к пятиэтажному зданию заводоуправления и потом затащил его к кабинету Кротова на второй этаж.

* * *

В здании было ещё пусто. Я зашёл в приёмную директора и стал ждать. Часов около семи стали приходить разные люди, пришла и секретарша. Спросила, кого я жду. Я объяснил, что пришёл снимать кино по разрешению её начальника. Она ответила: «Да, он мне говорил». Потом отперла дверь его кабинета, впустила меня и сказала подошедшим охранникам, что по распоряжению Кротова я могу там находиться. Заперла за мной дверь, и я остался в кабинете один. Сложил оборудование в углу за колонной и стал осматриваться. Кабинет был огромный, с двумя стеклянными дверями, выходившими на длинный, вдоль всего кабинета, балкон. В проёме между дверьми стоял большой кожаный диван. На левой стене – портреты Ленина и Хрущёва. В центре кабинета был длинный стол из полированного красного дерева, буквой Т упиравшийся в письменный стол под портретами. На длинном столе – десятка два хрустальных стаканов и в центре группками бутылки с нарзаном. Горлышко каждой бутылки покрыто фольгой, как у шампанского. Блокноты, заточенные карандаши. В углу на небольшом столике – вазы с диковинными фруктами, которые до того я видел

только на картинках. Я вышел на балкон. Внизу уже начинали собираться люди, в том числе фотографы и кино-операторы. Все ждали приезда делегации.

Часов около девяти утра дверь отперли и вошёл директор. Увидев меня, он оторопел:

– Ты кто такой? Что тут делаешь?

– Виктор Васильевич, мне Веня сказал, что вы разрешили у вас в кабинете снимать Кастро...

– Ах, да-да, правда. Было такое дело. Я сейчас пойду встречать делегацию, а ты оставайся здесь, ничего не трогай, никуда не выходи, а то бед не оберёшься. Кубинцы сюда придут после посещения завода, сможешь тогда их снимать сколько тебе надо.

После того, как он ушёл, я скучал в его кабинете ещё около часа, выходил на балкон и смотрел на всё растущую внизу толпу. Некоторые люди держали портреты Кастро и кубинские флаги. Вдруг людское море зашумело, заколыхалось, подняли повыше портреты – милиция расчищала дорогу. Показался длинный кортеж «чаек» и чёрных «волг». В головной открытой машине в тёплой куртке стоял Кастро рядом с белобрысым молодым человеком (я с ним позднее познакомился – это был Коля, переводчик и соглядатай, которого КГБ приставил к кубинцам). Вокруг них сидели охранники и ладонями отпихивали рвущихся к машине восторженных обожателей Фиделя. Вся вереница без остановки въехала на территорию завода через большие ворота рядом

со зданием, где я стоял на балконе второго этажа.

Вскоре двери кабинета раскрылись и вошла группа человек шесть. Некоторые несли металлоискатели, а у одного был дозиметр. Они стали осматривать всё, что было в кабинете, проверяли на металл и радиацию каждое кресло, каждый фрукт, каждую бутылку на столе. Проверили и меня с пяток до макушки. Осмотрели мои карманы. Особенно их заинтересовал аккумулятор для камеры, так как о коло него дозиметр слегка попискивал, но всё обошлось. Документов у меня никто не спрашивал, полагали, видимо, что раз я в кабинете, значит имею на то право. Потом они все ушли и снова заперли дверь.

Когда двери опять распахнулись, в кабинет вошёл невысокий седоголовый человек, в светлом костюме, с Конвасом в руках и с маленькой никель-кадмиевой батареей на ремне через плечо. Этот новенький Конвас был великолепен! Он весь сверкал светло-серой молотковой эмалью и хромированными деталями. Зависти моей не было предела. Его владельца я немедленно и с восторгом узнал – это был знаменитый документалист Роман Кармен. Я видел многие фильмы Кармена, знал про его опасные съёмки на фронтах 2-й мировой войны, в битве за Дьен-Бьен-Фу во Вьетнаме и в кубинских горах Сьерра Маэстро, когда Кастро ещё был партизаном. Следом за ним в кабинет вошли его ассистенты со светильниками. Это меня ещё больше обрадовало – свет мне был очень даже кстати.

Я взял в руки свой чёрно-ржавый Конвас и нацепил сбрую с аккумулятором. Кармен оторопело на меня посмотрел, но ничего не сказал и вышел на балкон. Я пошёл за ним. Внизу шумела беспредельная толпа, а под балконом стояли десятки фотографов и кино-операторов. Никого из них в здание не пустили. Все ждали, когда Кастро вернётся с экскурсии по цехам. О, как я был счастлив, стоя рядом с самим Карменом! Корреспонденты снизу кричали мне – просили снять кое-что и для них, но я ничего не отвечал и пыжился от гордости, кося глазом на Кармена.

Вскоре один из охранников позвал нас и сказал, чтобы мы приготовились – кубинцы вот-вот должны появиться. Мы вернулись с балкона в кабинет и стали по обе стороны входной двери: я слева, а Кармен справа. Он кивнул ассистентам, чтобы включили свет. Мы пристроили наши Конвасы на плечи и приготовились. Двери широко распахнулись.

* * *

В проёме двери появилась огромная фигура Кастро впереди группы «барбудос» – бородачей. Я нажал на кнопку своего Конваса и тут произошло нечто невероятное.

Моя ржавая камера произвела оглушительный треск, точь-в-точь как очередь из пулемёта Максим в фильме «Чапаев». В то же самое мгновение, раскинув руки и закатив глаза, Кастро повалился на пол. Все были уверены, что я за-

стрелил дорогого гостя. Стоящий рядом охранник сильным ударом по ногам сбил меня, так что я плюхнулся лицом на пол. Он вырвал из моих рук взбесившийся Конвас и хорошо ещё, что не пристрелил меня на месте. Сверху навалились ещё, скрутили мне за спиной руки, а один коленом прижал мою голову правой щекой к паркетному полу так, что я и пискнуть не мог. Левым глазом я видел, как над лежащим на полу у двери бесчувственным Фиделем склонился длинноволосый барбудо и стал щупать ему пульс.

Однако, тут же кубинский президент Освальдо Дортикос Торрадо (единственный кубинец без бороды) подошёл ко мне, несчастному и сплюсненному, помахал охранникам и через Колю-переводчика сказал, чтобы меня отпустили. Затем он громко всем объявил, что ничего страшного не произошло, что дорогой Фидель часто падает в обморок, если переутомляется. Он и вправду очень устал после хождения по заводским цехам. А то, что он потерял сознание в тот самый момент, когда затрещала камера этого молодого корреспондента – чистой воды совпадение и больше ничего. Никто не виноват, никаких проблем, и Фидель сейчас придёт в себя и не надо волноваться.

Меня сразу отпустили и поставили на ноги. Один охранник даже заботливо отряхнул мне брюки. Несколько барбудос подняли с пола обмякшего Кастро, который всё ещё был без сознания, и понесли на диван. Длинноволосый, что щупал ему пульс, подошёл ко мне, потрепал по плечу и изви-

нился, что меня так жестоко скрутили. Лишь через несколько лет я узнал его на фотографиях – это был Че Гевара. Он сказал:

– Глупо получилось, амиго. Надеюсь, что вас не сильно придавили, но пожалуйста, не включайте больше вашу странную камеру здесь, в помещении.

Че Гевара и Кастро

Я думал, что Роман Кармен умрёт от смеха, глядя на моё помятое лицо и проклятый Конвас с аккумулятором от «Победы». Пришлось мне снять с себя сбрую и сложить её вместе с камерой в углу. Так что моя затея со съёмками в кабинете у Кротова провалилась, и единственное, что мне оставалось – смотреть, как кубинцы снимали с бесчувственного Кастро ботинки. Они откупоривали бутылки с нарзаном, что были обёрнуты фольгой, и поливали прохладной водой прямо из горлышка его босые ноги. Вода стекала на паркетный пол. Кастро довольно быстро пришёл в себя, ему дали сигару и он закурил, жадно затягиваясь. Потом длинноволосый барбудо Че ему что-то объяснил и он стал оглядываться во круг. Указали на меня и он помахал, чтобы я подошёл.

– Говорят тут, что я вас сильно напугал, – сказал он мне.

– А мне показалось, что это я вас напугал своей камерой, – довольно нагло ответил я.

Кастро захохотал, пуская густые клубы сигарного дыма, потом протянул мне руку и пожал. Чтобы не навлекать на себя больше неприятностей, я отошёл в сторону и ждал, пока он отдохнёт. Где-то через пол-часа Кастро встал с дивана, надел ботинки, тёплую куртку и вся компания отправилась на митинг на площади, до предела забитой десятками тысяч людей. Я взял свои вещи и пошёл с ними. Там я снимал своим пулемётным Конвасом, но никого на улице он уже не напугал. Не получилось у меня интересного сюжета. А жаль.

Когда на следующий день я пришёл на завод и рассказал

рабочим про то, что было накануне, один из них уважительно посмотрел на мою правую ладонь и сказал:

– Я бы эту руку не мыл, которую пожимал Фидель!

Косить под Иностранца

При вегетарианцах Хрущёве и Брежневем мы порой позволяли себе выходки, которые при людоеде Сталине могли бы нам дорого обойтись. Под словом «вегетарианцы» я не имею в виду, что эти вожди мяса не кушали – ещё как кушали! Я просто хочу сказать, что они ели только животных, но вот людей они не ели, или ели редко. Если когда и посылали кого на заклание, то только что для поддержания порядка, чтобы народ не забывался и знал своим есто. Поскольку большой кары за шалости не ожидалось, в дни нашей оттепельной молодости мы были, как сорвавшиеся с привязи жеребцы, и позволяли себе дурить и даже чуть-чуть дразнить власть.

Контактов в те годы с заграницей было мало, а потому одним из самых любимых розыгрышей было «косить под иностранца», то есть строить из себя нечто импортное. Валили мы дурака иногда для дела, но чаще просто так, по врождённому авантюризму. Хотели позабавиться и в собственных глазах выглядеть эдакими Остапами Бендерами. Вот несколько баек из того далёкого прошлого.

* * *

Был у меня друг Женя Волокитин, которого я эпатажно

на французский манер звал «Жан», а он меня «Жак», что, как нам тогда казалось, соответствовало русским вариантам наших имён. Пишу про него «был» потому, что его давно уж нет. При жизни это был талантливый художник-дизайнер, заядлый турист, да и немножко авантюрист. Думаю, что эти слова турист и авантюрист где-то в их глубине сильно связаны.

Однажды мы с Жаном отдохали летом в Крыму, в Коктебеле. Разумеется «дикарями», то есть сами по себе. В один день, вдоволь нанырившись среди поросших водорослями валунов и на ужин настреляв бычков из самодельных подводных ружей, два дружка Жан-Жак отправились погулять по местному рынку. Пешком туда от нашей палатки, что стояла на самом берегу моря, было минут сорок ходу.

Перед тем, как пойти на базар, мы надели на себя рубашки с тремя латинскими буквами «UPI», которые сами же на них и нарисовали. Эти буквы означали «Уральский Политехнический Институт», где я тогда ещё учился, а Жан уже его закончил. Он был старше меня на пять лет. Чтобы подурочиться, мы с ним говорили на «иностраннных» языках – Жан по-английски, который он неплохо знал, а я на эсперанто, который никто, кроме меня не знал. По крайней мере на базаре, куда мы и направлялись. День был жаркий, в небе носились стрижи, трещали кузнечики и солнце пыжилось во всю свою крымскую мощь. С моря нас обдувал влажный бриз, слизывая дорожную пыль с загорелых физиономий, делая тем про-

гулку приятной и полезной.

Рынок был, хоть и южный, но, в отличие от настоящих восточных базаров, какой-то тихий и по-советски пришибленный. Фрукты-овощи продавались с лотков, а то и просто были разложены на земле – на деревянных ящиках или брезентовых подстилках. Меж ними озабоченно ходили курортники с тяжёлыми авоськами, приценивались к фруктам и что-то покупали. Мы с Жаном с вальяжным видом медленно дефилировали посреди рядов и через темные очки эдак свысока на всё посматривали. Иногда к нам подходили самые любопытные и наблюдательные курортники и спрашивали, кто мы такие и что эти три буквы на рубашках означают? Мы на корявом русском языке отвечали, что сокращение UPI значит информационное агентство «United Press International». В общем-то это было правдой и агентство новостей действительно было известно под такой аббревиатурой – тут мы не вралли, хотя, разумеется, никакого отношения к этому агентству ни мы с Жаном, ни наши рубашки не имели. Но мы и не говорили, что имеем, так что всё было честно, без обмана. Тем не менее, на нас смотрели уважительно и за нами ходил небольшой табунчик зевак – в кои-то веки увидишь живых иностранных корреспондентов на коктейбельском базаре!

Мы медленно шли по базару, а впереди нас бежала молва. Когда мы изредка эдакой небрежной походкой подходили к лоткам, на которых лежали сочные персики и груши, торговцы нам приветливо пожимали руки, широко улыбались и

угощали лучшими плодами, а денег брать не хотели, хотя мы предлагали. При этом они, как по заказу, говорили нам “Карашо”, почему-то думая, что если они будут коверкать русское слово, иностранцы поймут лучше. Наевшись до отвала дармовых фруктов, мы отправились назад в свою палатку на берегу Бухты Баракхты, где и пожарили на ужин бычков, настрелянных с утра.

Когда лето подошло к концу и в институте должен был начаться учебный год, я улетел обратно домой, а у Жана оставались ещё несколько дней отпуска и он решил съездить в Севастополь, посмотреть, что это за город. Там он снял койку в домике-развалюхе недалеко от центра и пошёл прогуляться по набережной. Как обычно, ему опять захотелось повалять дурака.

На городской набережной он направился к бабке, что сидела у мусорной корзины напротив памятника затопленным кораблям. Она бойко торговала семечками, пересыпая их из мерного гранёного стаканчика в газетные кулёчки. Жан подошёл и спросил её, почём семечки и жареные ли они? Причём спросил по-английски. Бабка оторопело на него посмотрела, а потом, ни слова не говоря, сгребла своё имущество в хозяйственную сумку и, подобрав подол, рванула по улице с неестественной скоростью. Вспомнив свою комсомольскую юность и что она обычно делала в моменты сомнений, бабка направилась напрямиком в милицию доносить на подозрительного покупателя.

Вскоре к Жану на набережной подошли два милиционера с бабкой на прицепе за их спинами. Они строго потребовали предъявить документы. Жан сыграл изумление, подал свой паспорт и спросил, естественно по-русски, “что случилось и в чём дело?” Бабка взвизгнула из-за милицейской спины и закричала:

– Ой мамочки! Он же раньше всё по иностранному говорил, а тут вдруг чисто по нашему. Шпиён он! Как есть, шпиён!

Милиционеры бабку приструнили, чтобы народ не баламутила, но паспорт забрали и повели Жана в отделение. Там стали выяснять, кто он и откуда и почему говорил на набережной этого военно-морского города на иностранном языке. Он прикинулся эдаким лопухом и сказал, что ничего такого не было, говорил он только по-русски, и, скорее всего, бабка на солнце перегрелась и это ей примерещилось. Дежурный по отделению сказал, что разберётся и велел пока запереть Жана в обезьянник. Там его продержали два дня, правда вкусно кормили из соседней шашлычной, а потом отдали паспорт и сказали, что если он ещё раз так пошутит, то ему придётся плохо.

В общем, он себе отпуск в Севастополе слегка подпортил. Знал бы, что так получится, мог бы сэкономить на койке – в обезьяннике-то он ночевал бесплатно.

В молодости была у Жана в жизни одна страсть – он обо-
жал все индийское. Книжки про Индию читал, занимался
йогой, что в тогда в Совке совсем не поощрялось, любимый
его фильм был “Бродяга” с Раджем Капуром. Да и сам он был
похож на йога. У него в роду были грузины и он унаследовал
от них эдакий восточный облик. Внешне немного напоми-
нал танцовщика Махмуда Эсамбаева, да и сам любил испол-
нять индийские танцы. Был строен, поджарист, со смуглым
лицом, орлиным взглядом и при случае легко мог сойти за
индуса, или, как он говорил, за «индюка», вкладывая в это
слово только самый положительный, даже нежный смысл. У
женщин он пользовался большой популярностью, но подру-
жек себе подбирал соответственно своему вкусу. Все его де-
вушки были похожи на индианок – невысокие, смуглые, во-
лоокие, с длинными прямыми волосами, хоть сари надевай.
Он, впрочем, предпочитал “сари” снимать. Тем не менее, ни-
когда ни одного настоящего «индюка» и ни одной подлин-
ной «индюшки» он живьем не встречал. Только видел в кино
или на фотографиях.

Однажды было объявлено, что в наш город приезжа-
ет индийская правительственная делегация во главе с пре-
мьер-министром Джавахарлалом Неру и его дочкой Инди-
рой Ганди. Жан страшно возбудился и сказал, что никак не

может упустить случай пообщаться с настоящими индусами. Когда я усомнился, что ему удастся к ним близко подойти, он мне сказал, что у него есть идея и он к делегации обязательно пробьётся. Уж очень ему хотелось посмотреть вблизи на Индиру Ганди, которая была в его вкусе.

– Ты что, она ведь в два раза тебя старше, – сказал я, – ей уже под пятьдесят. Зачем она тебе, такая старуха?

– Жак, – ответил Жан, – поживи с моё и поймёшь, что старая – значит опытная.

Короче говоря, выкинул он вот какую штуку.

Индийская делегация прибыла в город и проехала по улицам на “Чайках” и прочих чёрных “волгах”. Хотя накрапывал осенний дождик, вдоль улиц плотно стояли люди и гёбешники и радостно махали индийскими и красными флажками. Уже под вечер гостей привезли в оперный театр, где должны были проходить сначала приём, а потом торжественное собрание с городской знатью и в заключение – концерт в честь индийского гостя. Прямо, как в опере “Садко”, что шла в том театре накануне.

Перед самым началом торжеств у театра появилась странная мужская фигура, завёрнутая от шеи до лодыжек, как египетская мумия, в белую простыню. Это Был Жан. На ногах, несмотря на холодную осень, у него были сандалии, а на голове намотана чалма, сделанная из махрового полотенца. На его лбу меж глаз была губной помадой нарисована красная точка. У театра, притопывая на осеннем уральском ветру,

стояла охрана в штатском. Когда стражники увидели это чучело, шаркающей походкой плывущее ко входу, то решили, что один из индюков отбился от стада. Поскольку, как и Жан, они отродясь не видели настоящих индусов, то совершенно не усомнились в подлинности субъекта и Жана беспрепятственно пропустили внутрь – не спрашивать же документы у важного индийского гостя! В театре тоже всё сошло: местные начальники и охрана не поняли, что это самозванец – не слишком были они сильны в тонкостях индийского гардероба, тем более, что на лицо он был самый что ни на есть индус. И точка. Я имею в виду на лбу точка. Кто их, индусов знает, может у них там принято ходить в театр с полотенцем на голове? А настоящие индусы из делегации, увидев такое странное зрелище, вероятно решили, что это часть представления на восточную тему, которым хозяева собираются тешить гостей, и дальше, вероятно, будет ещё смешнее.

Жан прошёл в фойе, где гости и хозяева стояли, пили шампанское, заедали икрой и беседовали. Там он сразу отыскал глазами Индиру Ганди и напрямик к ней направился. Заметив этого странного субъекта, она сама пошла к нему навстречу с вопросительным взглядом в волооких глазах. Жан, надо отдать должное его деликатности, склеил ладони лодочкой под подбородком, как заправский индус, поклонился и сказал по-английски:

– Вы меня, мисс Ганди, извините, я мечтал с вами познакомиться и потому так оделся, чтобы подойти. Мне очень

приятно с вами поговорить. Это для меня такая честь.

Индира, тоже дама деликатная, но от смеха не могла удержаться – ткнула пальцем в его красную точку на лбу и говорит, что такой знак Бинди носят только индийские женщины, а он вроде как мужчина и у него на лбу это выглядит, как шутка, причём несмешная. Хотя сама при этом хихикала. Жан страшно смутился, и стал ладонью эту точку Бинди стирать. Помада сразу размазалось по лбу алыми полосами и добрая Индира достала из сумочки свой платок и лоб ему вытерла. Потом взяла его под руку, причём у Жана от удовольствия чуть язык не вывалился, отвела в сторону и стала расспрашивать, что это у него за тяга такая к индийскому народу? Жан стал было ей объяснять, но тут подошёл какой-то сикх в настоящей чалме, видимо охранник, и что-то ей шепнул. Тогда она Жану сказала, что ей надо прямо сейчас идти на сцену, там всё начинается, и попросила, чтобы когда он будет в Дели, обязательно позвонил в её канцелярию и сказал секретарю, что она ждёт его звонка. Жан, разумеется, пообещал, что как только – так сразу.

Выйти из театра оказалось ещё проще, чем войти. Он спокойно прошёл мимо охраны у входа, постоянно складывая ладони лодочкой и кланяясь налево и направо, а потом вышел на улицу. Забежал за угол, размотал с себя простыню и полотенце, скрутил всё в узел, сел на трамвай и поехал домой.

А в Индию он так и не попал. Когда советская власть кон-

чилась и уже можно было туда съездить, у него к индийской культуре интерес как-то утих – женился (кстати, жена его чем-то смахивала на индианку), дети подрастали. Стало не до Индии.

Кроме того, Индиры Ганди уже не было в живых. Её к тому времени убили собственные охранники сикхи.

* * *

Учась на третьем курсе UPI, то есть УПИ, в любительской киностудии своего института я делал разные короткометражные фильмы. Как-то на кинофестивале таких фильмов одна моя картина заняла первое место. На заключительное заседание фестиваля, где вручали премии, приехала делегация польских киношников. Там был знаменитый режиссёр Анджей Вайда, который только что представил в Москве свой новый фильм “Пепел и Алмаз”. Вместе с ним была его главная кинозвезда Беата Тышкевич – как сказал бы Гоголь, дама приятная ну совершенно во всех отношениях! Меня, как победителя конкурса, посадили в зале рядом с очаровательной Беатой и поэтому я уже ничего другого вокруг себя не замечал. Даже не помню, как мне вручали приз. Я неотрывно пялился в её захватывающее декольте, чем она, кстати, была даже довольна и эдак обнадёживающе на меня поглядывала. По крайней мере, так мне по молодости лет казалось. Жаль, что этот милый эпизод моей биографии не по

теме нашего повествования. А по теме то, что в дополнение к призу мне полагалась бесплатная поездка в Венгрию снимать там документальный фильм о стране. Приз – призом, но чтобы получить разрешение для выезда даже в соцстрану у меня ушло почти полгода на сбор множества документов и хождения по всяким комиссиям, которые должны были засвидетельствовать мой высокий морально-политический облик (про Беату я им ничего не говорил, а то бы зарубили). Но как бы-то ни было, я в Венгрию поехал и там сам стал иностранцем, хотя венгров это совершенно не волновало. Нормальные ведь люди.

В Будапеште моё внимание привлекли многочисленные плакаты и флаги – все зелёного цвета. Сегодня я бы сразу подумал про мусульман, но тогда эта зелень была по поводу Конгресса Эсперанто, международного искусственного языка. Однажды, когда я в одиночку обедал в маленьком ресторанчике в Буде, я обратил внимание на группу весёлых людей в зелёных шапках и таких же галстуках – цвета эсперанто, то есть надежды. Речь их мне показалась знакомой, чуть похожей на русскую. Я подошёл к их столику чтобы познакомиться. Оказалось, это была болгарская делегация на конгрессе и говорили они по-болгарски, но все прекрасно понимали по-русски. Я быстро сошёлся с этими чудными людьми, они меня сагитировали изучить эсперанто и мы вместе хорошо провели время. Звали их просто – Балю Балев, Генчо Генчев, Никола Николов и так далее. С некоторыми я потом

более десяти лет до самого своего отъезда из Союза переписывался на эсперанто. Где-то лет через пять после нашей первой встречи в Будапеште я получил письмо из Софии от Генчо Генчева, где он писал, что будет по делам в Москве и хотел бы там со мной повидаться.

Я прилетел в Москву и мы встретились в гостинице «Интурист», где у него был номер, и он попросил меня показать ему столицу. Когда мы спустились вниз из его комнаты и собрались выходить из фойе на улицу, на одной двери я заметил вывеску “Отдел Обслуживания Иностранцев”. Поскольку Генчо был иностранец, мы туда зашли, чтобы узнать, как его могут обслужить. За столиком сидела милая девица, которая сказала, что это называется “консьерж сервис” и она для Генчо может заказать такси, столик в ресторане, а также билеты в любой театр или на концерт.

И вот тут у меня в голове щёлкнуло. Надо сказать, что я всегда был заядлым театралом и не могло быть для меня большего удовольствия, чем посмотреть хороший спектакль (были в жизни и другие радости, но не о них тут речь). Однако в Москве, не имея там связей, купить билет в театр на что-то стоящее было просто невысказано. Я сразу уши наострил и у этой девицы спрашиваю:

– На любой спектакль, говорите? Прямо на сегодня?

– Да, – говорит, – что только хотите. Вот список на сегодня – выбирайте.

У меня прямо глаза разбежались, а Генчо, хотя неплохо

говорил по-русски, ничего не понимает и вопросительно на меня смотрит. Я его на эсперанто спрашиваю, не хочет ли он вечером пойти в театр? Он говорит “хочу” и тогда я выбрал Театр Сатиры, где в тот вечер шла “Женитьба Фигаро” Бомарше с Андреем Мироновым. Девушка сказала, что билеты будут готовы через час и мы пошли погулять по городу. Я поводил Генчо по улицам недалеко от гостиницы, а где-то через час мы вернулись, купили билеты и тем же вечером сидели на лучших местах второго ряда в театре Сатиры. Спектакль был чудный, но бедный Генчо быстро задремал – всё же ему смотреть спектакль по-русски было трудно. А я понял главное – чтобы покупать билеты у “консьержки” в отеле, надо назвать только номер комнаты и имя, но никаких документов не требуется. Ну и важно ещё выглядеть по-иностранному. Этим методом покупки в Москве театральных билетов я пользовался все последующие годы, пока не уехал из Союза.

Я понимал, что косить под американца или француза у меня не выйдет. Английского я тогда не знал, а мои немецкий и французский языки были на таком уровне, что лучше и не соваться. Да и внешность тоже была не слишком западной – сразу бы раскусили по совдеповской одежде, обуви фабрики «Скороход» и блеску в глазах. Поэтому я решил прикидываться болгарским туристом по имени Генчо Генчев. Говорил я на хорошем русском языке, хотя и с болгарским акцентом. Такие штуки я умел делать. В Болгарии есть поговорка: “Курица не птица, Болгария не заграница”, но

для “консьержки” болгарин всё равно иностранец, несмотря на не слишком западный облик и блеск в глазах.

С тех пор, каждый раз, приезжая в Москву, я сразу шёл в одну из гостиниц, где селили иностранцев, например, в «Белград» или «Будапешт». Сначала я поднимался на один из этажей, чтобы изучить нумерацию комнат, а потом спускался к местной “консьержке”, что обслуживала иностранцев, и говорил что-то вроде (с болгарским акцентом, разумеется):

– Здравствуйте, я Генчо Генчев из комнаты 1234. Что сегодня в Большом Театре? Ах “Спартак” с Плисецкой... Хм, ну что-ж я пожалуй возьму один билетик.”

Так я пересмотрел в Москве все лучшие спектакли от “Гамлета” с Высоцким на Таганке до “Трамвая Желание” в театре Маяковского. Даже в самые последние дни перед эмиграцией, когда у нас с женой уже вместо паспортов были только выездные визы со штампом Голландского консульства, я по тому же рецепту купил билеты на концерт Райкина в Кремлёвском Дворце. Это был единственный случай, когда почти никакого обмана не было – советского гражданства нас лишили, а стало быть мы в те дни были самыми настоящими иностранцами. Так что всё по честному. Почти...

* * *

Году где-то в 76-м мне надо было поехать в Москву на научную конференцию по моей основной специальности – ме-

дицинским приборам. Конференция начиналась сразу после праздника Дня Победы и я стал готовиться к поездке. Но была проблема – где в Москве остановиться? Снять гостиницу в центре было немыслимо, если ты не принадлежишь номенклатуре или нет у тебя серьёзного блата. Я не принадлежал и не имел. Командировочные, вроде меня, обычно жили в Москве у родственников или друзей. Были у меня в Балашихе под Москвой родственники, но не хотелось селиться так далеко и я поделился этой проблемой со своим добрым знакомым Аркадием Борисовичем Гординым.

Гордин был гений всяческих сделок. Он работал на какой-то незаметной должности, но был, что называется, великий “шмузер” – знал нужных людей, был элегантен, обаятелен, полезен и вхож в самые невероятные сферы. Он был нужен всем. У него был талант организовывать сделки, сводить разных людей, которым было что-то надо, но достать сами не могли. Тогда Гордин выстраивал эдакую бартерную цепочку и замыкал её в кольцо. Например, я хотел А, но у меня было Б, а у вас было В, хотя вам было нужно Б, а скажем, вон тому дядьке было необходимо В, а у него было А, которое хотел я. Тогда Аркадий Борисович лихо всё увязывал, и в результате я давал вам Б, которое вам было нужно позарез, а вы отдавали В тому дядьке, а дядька, взамен, отдавал мне А. Каждый получал, что хотел и все были довольны и ему благодарны. Родись Аркадий Борисович в Америке, был бы он почище Трампа. Но судьба определила ему Совок и приходилось

этому гению бизнеса крутиться при советской власти.

Короче говоря, я сказал Аркадию Борисовичу, что мне негде в Москве остановиться и он обещал, что ни-будь для меня выкрутит. Через пару дней он позвонил и сказал, что устроил мне в Москве гостиницу “Украина” с заездом 8 мая, то есть, накануне праздника. Попасть в эту высотную гостиницу можно было только по невероятному благу или через Интурист, если вы иностранец. А он это устроил мне, простому советскому смертному! Чудный был человек. Когда я сказал жене, что еду на конференцию в Москву и буду жить не где-нибудь, а в “Украине”, она заявила, что нечестно такую радость иметь одному и она поедет со мной, так что радость делилась пополам. Или удваивалась – это, как посмотреть.

Прилетели в Москву и прямо из аэропорта поехали в эту высотку сталинских времен. Пока добрались до “Украины”, было уже поздно. Город был украшен к празднику, на стенах домов сверкали гирлянды огней, и, несмотря на поздний час, в фойе гостиницы толпился празднично одетый народ. Мы зарегистрировались, получили номер и когда зашли с нашими чемоданчиками в лифт, увидели, что там стоит лифтёрша в халате мышинового цвета и какой-то коротенький толстячок в чёрном костюме и галстук бабочка. Вид у него был явно заграничный. Услышав, что мы попросили наш двенадцатый этаж по-русски, лифтёрша просияла и сказала:

– Вот хорошо-то! Вы по-иностранному понимаете? Этот

вот гражданин чего-то просит не по-нашему, а я не понимаю.
Может вы разберёте, что ему надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.